

Даты августа

1 августа 1900 года 125 лет назад был утвержден Устав Ярославского хорового общества.

В конце 1899 года в среде творческой интеллигенции Ярославля возникла мысль об организации хорового общества. 1 августа 1900 года Министерство внутренних дел утвердило устав Ярославского хорового общества, а в октябре на общем собрании членов Общества последовало принятие устава и избрание Правления. Дирижёром хора стал заведующий музыкальной школой Н. Н. Алмазов. Явилось немало желающих участвовать в хоре, начались репетиции. Вскоре был организован оркестр любителей.

11 декабря в зале Городской думы состоялось первое исполнительное собрание Общества под управлением Н. Н. Алмазова. Оно было посвящено памяти Михаила Ивановича Глинки, при участии солистов В. Н. Коврайской (сопрано), В. Н. Дашковой (контральто), В. Р. Каатца (тенор), Н. Н. Калинина (тенор), Н. М. Носкова (баритон), С. Я. Каплана (бас), хора и оркестра Общества. По традиции, в начале концерта торжественно прозвучал гимн «Боже, Царя храни», а затем были исполнены романсы и сцены из опер «Руслан и Людмила» и «Жизнь за Царя» великого русского композитора.

Член Общества Н. Г. Высотский писал в «Русской музыкальной газете»: «Сделан хороший почин, и можно от души пожелать, чтобы Ярославское хоровое общество, при дружной поддержке городского населения, шло твёрдо к цели поднять музыкальное дело в Ярославле».

В сезон 1901/1902 годов Ярославское хоровое общество получило разрешение на расширение своей деятельности, которая состояла в учреждении бесплатных классов пения. Учреждённые классы имели целью дать возможность всем желающим, преимущественно детям, изучать хоровое пение. В классы принимались лица всех сословий, пола и возраста, причём женщины обучались отдельно от мужчин, а малолетние от взрослых.

Сезон 1902/1903 годов стал кульминационным в деятельности Ярославского хорового общества. В здании городской читальни регулярно давались концерты и народные спектакли – оперы «Демон» А. Г. Рубинштейна, «Мазепа» П. И. Чайковского, «Паяцы» Р. Леонкавалло,

«Аскольдова могила» А. Н. Верстовского, номера из оперы А. П. Бородина «Князь Игорь» под управлением Н. Н. Алмазова. Начали работать театральные мастерские, спектакли ставились в костюмах собственного изготовления.

Следующий сезон 1903/1904 годов начался 22 августа с концерта, в котором приняли участие оперные артисты из Москвы. 28 сентября состоялось знаменательное в этом сезоне 14-е исполнительное собрание Ярославского хорового общества. Под управлением Н. Н. Алмазова была представлена полная опера М. И. Глинки «Жизнь за Царя» с балетными сценами под оркестр военной музыки Романовского батальона. Хор общества состоял тогда из 50 человек.

В конце 1904 года председатель Ярославского хорового общества Н. Н. Алмазов покинул Ярославль, а оставшиеся его члены приняли новый устав (утверждён МВД 6 октября 1904 г.) согласно которому оно стало именоваться «Ярославское Общество пения».

В 1907 году Ярославским обществом пения, которое всё более и более склонялось к профессиональной деятельности, был построен Общедоступный, или Новый театр, где начали ставиться не только музыкальные, но и драматические спектакли.

В 1908 году в Ярославль возвратился Н. Н. Алмазов, который в качестве заведующего музыкально-сценической частью проработал в Общедоступном театре до 1912 года.

Афиши исполнительных собраний Общества в эти годы пестрели фамилиями крупных антрепренёров, именами известных оперных и драматических артистов, среди которых встречались ярославцы, например баритон А. К. Минеев, впоследствии успешно выступавший на столичной сцене.

Таким образом, уже в первые годы становления Ярославское хоровое общество (Ярославское общество пения) подарило ярославцам не только незабываемые музыкальные впечатления, но и подготовило почву для последующего развития профессиональной музыкальной культуры Ярославля.

Бродова И. А. Ярославское хоровое общество // Ярославский календарь. - 2000. - С. 26-28.

1 августа 1875 года 150 лет назад родился известный живописец и график Иван Степанович Далматов (1875-1917).

18 марта 1917 года улицы Питера бурлили: люди с красными флагами и бантами, солдаты с ружьями, матросы. То здесь, то там вспыхивали перестрелки...

...А в старинном особняке на Фонтанке шёл обычный урок рисования. Ребятишки разом вскрикнули лишь тогда, когда их учитель вдруг пошатнулся и рухнул на пол...

Ивана Степановича Далматова сразила шальная пуля, влетевшая в окно. Раненный в живот, он вечером того ж дня умер в госпитале в страшных муках. Оборвалась жизнь яркая, необычная, многообещающая.

Участь судьбою ему была уготована, вроде, незавидная: житель глухого ярославского сельца Глебова, сын бедняка. Несколько классов церковно-приходской школы... Каждый «лишний рот» семье Далматовых был в тягость, и 13-летнего Ваню отправили в Питер – «мальчиком» в лавку «благодетеля» купца Воденикова, земляка, но уже миллионера.

А надо сказать, Ваня уже тогда имел серьёзную склонность к рисованию, замеченную сельскими учителями. Продолжал рисовать каждую свободную минуту и будучи в услужении у купца. Однажды тот заметил это, потребовал у мальчика показать его рисунки. Понравившиеся забрал и повесил у себя в комнате. Здесь-то и обратили на них внимание гости купца, имеющие отношение к миру искусства. И определили Ваню в школу рисования, на что хозяин согласился. Прослужил Ваня у Воденикова долгие 11 лет...

Да, расстаться с прилавком, потеряв тем самым не только свой гарантированный кусок хлеба, но и лишиться материальной поддержки мать с отцом, братьев и сестёр было не так-то просто. Но выбор надо было делать, и в 1899 году Далматов поступает в знаменитую живописную мастерскую Тенишевой, где художественным руководителем был И. Е. Репин. Он-то и заметил талантливого юношу. Он-то и подготовил его к вступительным экзаменам в Академию художеств, где сам же и преподавал. Экзамены Иван Степанович успешно выдержал в 1900 году...

Но жить было не на что, домашние голодали. И тот же Репин немало способствовал тому, чтобы многообещающему студенту была назначена так называемая «стипендия государственных крестьян» - 25 рублей в месяц. По тем временам это были большие деньги. Их он и получал вплоть до окончания академии, после чего Репин взял его в свою мастерскую...

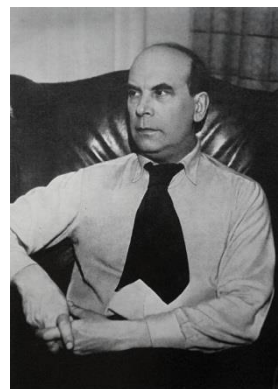
Далее всё шло, кажется, прекрасно: художественные выставки, где полотна Далматова соседствовали с работами И. Бродского, Н. Хавкина, самого Репина. Идиллический ход событий прервался лишь революциями. После первой академия долго не могла оправиться, занятия в ней прекратились. Далматов уезжает в родное Глебово, где и пишет полотно «Торжество разрушения» по мотивам увиденного в Питере в 1905 году. В 1908 году он получает за эту картину звание художника. Что принёс живописцу год 1917, мы уже знаем. Страшно это говорить, но, возможно, счастье его в том, что не дожил он до времён ГУЛАГа...

Память о нём жива. На ярославщине помнят своего выдающегося земляка: картины его - в собраниях художественных музеев Ярославля и Рыбинска. Не забывают об Иване Степановиче и в родном Глебове.

Инк, Т. Ярославский ученик Ильи Репина // Городские новости. – 1998. – 18 марта. – С.6.

3 августа 1900 года 125 лет назад в Ростове Великом родился Геннадий Дмитриевич Епифанов (1900-1985), художник-график.

Геннадий Дмитриевич Епифанов родился 21 июля (3 августа) 1900 года в Ростове Великом в доме Пономарёва на Покровской улице. Раннее его детство прошло неподалеку от кремля, в ветхом домишке на Подозёрке, который снимал у торговца готовым платьем Алексеева отец будущего знаменитого художника Дмитрий Михайлович Епифанов – переплётчик местной типографии. Домик располагался на берегу озера Неро, в низине древнего вала, который защищал когда-то город с западной стороны.

Сказочная красота древнего города, отражавшегося в водах озера, окружала маленького «Геннашу» Епифанова с тех пор, как он начал себя помнить, но воспринималось, «по глупости», как нечто само собой разумеющееся, обыденное.

Родители его были выходцами из крестьян. Семья жила довольно бедно, и после окончания городского четырёхклассного училища, в возрасте 14-15 лет, юноша должен был начать самостоятельно зарабатывать.

Геннадий Елифанов поступает на работу в уездный суд, где проработает до 1921 года сначала в архиве, потом судебным секретарём при всех менявшихся один за другим режимах: царском, Временного правительства, и, наконец, при большевиках. Работу эту, по собственному свидетельству, он высоко ценил. Сложные юридические коллизии, обсуждавшиеся профессионалами, приезды в Ростов знаменитых столичных адвокатов, в том числе, самого Ф. Н. Плевако, - всё это расширяло умственный горизонт провинциального юноши. Уйдя из суда, на год он становится преподавателем пения в бывшей Кекинской гимназии, поскольку к этому времени уже учится в ростовском музыкальном училище, которое оканчивает в 1922 году.

Способность к изобразительному искусству обнаружилась у него ещё в городском училище, где уроки рисования вёл Фёдор Григорьевич Сергеев. Позже Геннадий поступит в живописную студию, которую открыл в городе А. И. Звонилкин, профессиональный художник и прекрасный педагог, ученик Коровина по Строгановскому училищу. Занятия велись не только в мастерской, но и на пленэре.

Занятия в художественной студии отнюдь не сразу определили профессиональный выбор Геннадия. Музыка, судя по всему, занимала его долгое время больше всего. Имело место и увлечение театром, и не только в качестве зрителя. Но влекла и живопись, интерес к которой сперва проявлялся в очарованном рассматривании цветных открыток – репродукций в витринах магазина Д. А. Иванова. В голодные послереволюционные годы эти открытки неожиданногодились. Будущий выдающийся мастер резца писал с них увеличенные копии маслом на клеёнке, меняя по окрестным деревням на молоко, сметану и прочие продукты.

В 1922 году начался новый этап в жизни Геннадия Дмитриевича, много давший для его эстетического развития. Он поступает на работу в Ростовский музей, куда будет принят его легендарным директором Дмитрием Алексеевичем Ушаковым (1894 – 1942).

Вскоре начинающий музейный сотрудник, который пока лишь обучился водить экскурсии «по Княжым теремам и переходам, обозревая по очереди все кремлёвские церкви», внесёт свой творческий вклад в работу с

посетителями музея. Именно ему, как человеку с музыкальным образованием, принадлежала идея использовать нотные записи о. Аристарха Израилева и созданные им камертоны для имитации соборных звонов во время экскурсий. К концу 1922 года экскурсанты, слушающие концерты колокольного звона на камертонах, задуманные и разработанные Епифановым, платят музею дополнительно по 50 рублей. В 1923 году его командировывают в Москву получить «15 червонцев», довольно крупную по тому времени, исчислявшуюся в золоте сумму, от Главнауки, на организацию 40-летнего юбилея Ростовского музея древностей.

Жизнь в маленьком провинциальном городке давно его тяготила и перестала удовлетворять. И снова «случай» - сосед Геннадия по Благовещенской улице - художник Павел Саксеев при случайной, едва ли не уличной встрече даёт ему совет поступить в Ярославское художественное училище, тогда называвшееся техникумом, и помогает в летние месяцы 1924 года подготовиться к вступительным экзаменам. Геннадий за один год сдаст все экзамены по полной программе этого учебного заведения и в 1925 году поступит в Академию художеств в Ленинграде.

Творческая судьба Епифанова уже в довоенные годы сложится на редкость удачно. Студентом он много и плодотворно работает, углублённо изучает в подлинниках шедевры мировой графики в гравюрном кабинете Эрмитажа и заканчивает институт «в первых номерах». В 1930 году, он получает заказ на иллюстрации к изданию романа Синклера «Север и Юг» от престижнейшего в те годы издательства «Academia». В 1934 году для того же издательства им будет создан цикл цветных гравюр к «Назидательным новеллам» Сервантеса, ставший крупным событием в искусстве оформления книги. С 1930 по 1941 годы Геннадий Дмитриевич сотрудничает с издательством Академии Наук СССР, Гослитиздатом, «Искусством», «Советским писателем», «Молодой гвардией», «Учпедгизом», выполнив в разных графических техниках иллюстрации, эскизы переплётов, обложек, суперобложек, шмуцтитутулы, заголовки, заставки, концовки не менее чем к 57 книгам. В те же годы он становится участником международных выставок во Франции, Чехословакии, Греции, Турции, Дании, Норвегии, Финляндии. Советский зритель, помимо издававшихся книг, мог познакомиться с его творчеством также на 9 коллективных выставках, прошедших в 1932-1940 годах в Академии художеств, в Русском музее, Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и др.

Известно, что в 1941- 1945 годах художник находился в Ленинграде, работая в «Боевом карандаше», затем трудился над оформлением интерьеров и созданием экспозиции Военно-медицинского музея.

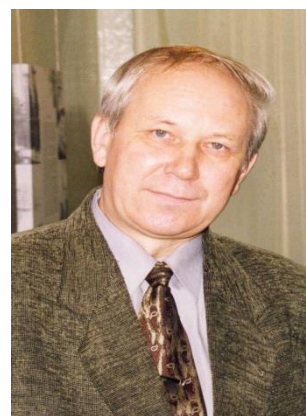
В 1945 году, сразу после демобилизации, Геннадий Дмитриевич приезжал в Ростов, создав там несколько прекрасных натуральных работ. После 1946 года ростовская тема в станковой гравюре Епифанова не проявляется без малого три десятилетия. Эти годы - время расцвета его творчества как мастера книжной иллюстрации и оформления книги. Альбом великолепных гравюр «Ленинград. Виды города» (1953), вызвавший высокую оценку И. Э. Грабаря, закрепляет за ним славу «певца старого Петербурга». Сам Геннадий Дмитриевич считал Ленинград своей «второй родиной». В этом городе ему было суждено стать выдающимся преподавателем книжной графики и дизайна.

Последнее посещение Геннадием Дмитриевичем Ростова, его встречи с сотрудниками здешнего музея, с местными художниками состоялось «благодаря известному краеведу М. Н. Тюниной». Геннадий Дмитриевич Епифанов скончался 4 сентября 1985 года, оставив незаконченные воспоминания.

Сообщения Ростовского музея. Вып. 12 / [ред. совет: В. И. Вахрина, А. Е. Виденеева, В. В. Зякин и др.]; Гос. музей-заповедник "Ростовский кремль". - Ростов, 2002.

26 августа 1950 года 75 лет назад в Рыбинске родился Сергей Адольфович Хомутов, русский поэт.

Сергей Хомутов родился в заволжской части Рыбинска через пять лет после окончания страшной кровопролитной войны, следы которой ещё были заметны и в реальных приметах бедного быта, и в человеческих судьбах. Семья жила в старом деревянном доме, перевезённом в период переселения из Мологи, откуда родом отец Сергея, а мать была эвакуирована в наш город из Ленинграда, с трудом пережив голод блокадного времени. Казалось, ничто не могло предвещать, что мальчик, ничем не отличавшийся от своих сверстников, учившийся кое-как в захудалой окраинной школе, впоследствии станет известным не только на Ярославской земле поэтом, автором почти двух десятков книг. Но это только

на первый взгляд, потому что были и другие предпосылки для развития вольнолюбивого и любознательного мальчишки.

Дед будущего поэта, Геннадий Геннадьевич Хомутов, научивший уже к пяти годам читать внука, был потомственным дворянином, чей предок служил вместе с Лермонтовым в школе гвардейских юнкеров и подпрапорщиков. Сам дед окончил до революции гимназию и в начальных классах следил за школьными занятиями Сергея, который пристрастился к чтению и даже часто читал взрослым поэмы Пушкина, Некрасова, Лермонтова, заученные наизусть, чем радовал родителей и соседей. Сергей знал много русских народных песен, которые тогда были популярны в праздничных застольях и просто в быту.

Школьная программа по литературе и само преподавание на отметку совершенно не привлекали Сергея, но в это время он записался в библиотеку и получил доступ ко множеству увлекательных книг.

Серьёзное увлечение поэзией пришло во время учёбы в полиграфическом техникуме. Подтолкнул Сергея к творчеству дружок, сказавший, что надо попробовать развить свои способности и даже отослать свои стихи в городскую газету, что и сделал начинающий автор через несколько месяцев. Вскоре пришло письмо от заместителя редактора «Рыбинской правды» В. И. Блинова с просьбой зайти на собеседование к нему. Собеседование состоялось. Блинов рассказал 17-летнему стихотворцу о существующем при редакции литобъединении, ярославских поэтах и многом другом. А вскоре в газете было напечатано и первое стихотворение начинающего поэта (начало декабря 1967 года). С этого времени он стал постоянным автором «Рыбинской правды». Через некоторое время мы узнали, что бюро областной писательской организации рекомендовало к изданию первый сборник стихов слесаря-сборщика Волжского машиностроительного завода Сергея Хомутова «Пускай растёт берёзка». Вторая книга поэта «Дом над рекой» вышла уже в московском издательстве «Молодая гвардия» в 1982 году. Тогда Сергей был студентом-заочником литературного института имени А. М. Горького. В это знаменитое учебное заведение принимали с учётом творческого конкурса. За него наш земляк получил оценку «пять с плюсом». В свой семинар его взял известный поэт Владимир Фирсов, разглядевший в тридцатилетнем Сергее Хомутове недоюжинный поэтический талант, который, конечно же, надо было развивать, совершенствовать, шлифовать. И Хомутову Владимир Фирсов уделял особое внимание. Он стал его любимым учеником.

Сравнительно молодой поэт из провинциального города успешно печатался в столичных изданиях. В 1982 году Хомутов стал лауреатом конкурса, который проводил журнал «Молодая гвардия». О нём заговорили, ему завидовали маститые московские авторы. В 1986 году Сергея единогласно приняли в Союз писателей СССР. А в 2004 году он стал членом правления Союза писателей России.

Один за другим выходили сборники стихов поэта. В нелёгкие годы уже нового столетия вышло шесть сборников Сергея Хомутова. В 2004 году ему было присвоено звание «Заслуженный работник культуры России». В 2006 году его избрали академиком Петровской Академии наук и искусств.

Трудно переоценить заслуги Сергея Адольфовича как редактора и книгоиздателя. Семь лет возглавлял он журнал «Русь», выходящий для подписчиков четырёх областей – Ярославской, Костромской, Владимирской и Ивановской. В нём находили место для публикации произведений многие известные писатели страны. Плодотворной стала и работа в качестве директора издательства «Рыбинское подворье». С начала 1990-х годов здесь было выпущено более 200 книг. За помощь в издании своих сборников благодарны Сергею Адольфовичу Т. Пирогова, О. Коробкова, Л. Советников, Н. Ильюшенкова, Е. Воронкова, В. Пальцев и другие авторы-рыбинцы.

Пролистаем и прочитаем страницы книги «Последнее моё тысячелетие»:

Да, всё в невозвратимость канет,

И даже, может, без следов,

Но лучше быть цветком на камне,

Чем камнем посреди цветов.

В этих четырёх строчках целый букет поводов для читательских раздумий о смысле жизни, о своём месте в мире. Сила истинной, большой поэзии часто заключается именно в том, что она оставляет для читателя возможность подумать, погадать о замысле поэта. А у Сергея Хомутова впереди много, много светлых дней и творческих удач.

Куприянов, Е. С. Удививший столицу / Е. С. Куприянов // Годы. Люди. Строки. - Рыбинск, 2009. - С. 160-167.

Составила библиотекарь С.Д. Нечай.